

ПАРАДОКСЫ ПРОСТРАНСТВА ДЕТСТВА

В статье рассматриваются основные парадоксы и исследовательские перспективы в изучении феномена детства. Выделяется индивидуальное и коллективное детство, предложены возможные направления анализа и наиболее актуальные парадоксы современного детства, приводится пример деконструкции одного из них.

Повседневные представления о детстве достаточно противоречивы. Дети, говоря метафорично, — это одновременно и цветы жизни, и маленькие монстры. Детство — это загадочное, непонятное, секретное и где-то закрытое для понимания взрослых пространство. Но в то же время это слишком ясный, простой, неинтересный, а в чем-то вызывающий умиление и снисхождение у «нормальных» взрослых людей мирок с его глупыми вопросами. Почему же восприятие детства такое разное? Скорее всего, это связано с интересами и внутренними противоречиями тех позиций, с которых мы смотрим на детство: например, родительской, государственной, исследовательской или какой-либо другой. Наибольший интерес для нас представляет исследовательская позиция. Обращение к тем научным перспективам, с которых анализируется пространство детства, кажется вполне оправданным и продуктивным. При этом стоит принять во внимание следующее допущение. Детей изучают взрослые. И вопрос состоит в том, насколько взрослое сообщество может быть включено в смыслы и практики детства. С одной стороны, каждый из нас обладает своим собственным детством и в меру своей бытийности, в меру пережитого может считать себя экспертом детства, хотя сам этот период уже в прошлом нашей жизни. Но вместе с тем мы рассматриваем это пространство с точки зрения нашего сегодняшнего, причем изменяющегося опыта, и соответственно понимание детства тоже изменяется. Именно поэтому само по себе изучение детства уже парадоксально.

Попытаемся определить основные контуры, на наш взгляд, наиболее распространенных исследовательских позиций, с которых рассматривается в целом пространство детства, и привести примеры парадоксов детства в каждой из них. При этом мы бы хотели абстрагироваться от специфики направлений анализа детства в каждой конкретной общественной науке и указать те подходы, которые кажутся нам наиболее распространенными в описании в целом феномена детства, соотнося эти подходы с той или иной наукой. Однако соответствие это достаточно условно, так как очень сложно провести четкую грань не только между исследовательскими перспективами, но и между

* © Митрофанова С.Ю., 2007

Митрофанова Светлана Юрьевна — кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета.

самими науками в изучении детства. На наш взгляд, можно говорить лишь о разных акцентах в познании данного феномена.

Можно разделить исследовательские перспективы на те, что в центр внимания ставят вопросы, связанные с развитием индивидуального детства, и те, которые рассматривают коллективное или структурное детство, т.е. конструкты и практики, которые характерны для многих детей. Говоря языком П.Бергера и Т.Лукмана, это практики, прошедшие процесс «хабитуализации» [1. С.89] и ставшие в итоге конструктами пространства детства. В рамках первой исследовательской перспективы, ставящей в центр внимания вопросы развития индивидуального детства, можно выделить следующие подходы.

1. Педагогический. Изучается индивидуальное детство с точки зрения его потенциала. Детству дается оценка с позиции тех возможностей, которые оно открывает в будущем. Детство интерпретируется с точки зрения его важности для дальнейшего развития личности. Актуальным является прогноз возможных проекций детства на жизненный путь личности.

Парадокс в том, что, с одной стороны, педагогами, психологами признается значимость и важность индивидуального развития в пространстве детства, подчеркивается идея его самооценности, а с другой — они же говорят о том, что детство — это период подготовки к «нормальной» взрослой жизни. Именно педагоги и родители, в первую очередь, ранжируют детей по уровню знаний, способностей и в целом перспектив для будущей жизни. Дети получают оценку учителей, родителей, воспитателей, психологов. И самое важное, что дети оцениваются ими в терминах «лучше» и «хуже». И возникает вопрос: те, кто «хуже», в чем их значимость, в чем их самооценность? Ведь задатки и возможности для развития их в способности у каждого ребенка очень разные. Дети, конечно, тоже оценивают окружающих их взрослых: оценивают воспитателей в детском саду, учителей в школе, говоря о том, хорошие они или плохие, добрые или злые, но с их оценками уже не особо считается взрослое сообщество. Данные оценки такого сильного воздействия не оказывают на личность уже сформировавшегося и состоявшегося человека, в отличие от собственных оценок таких личностей, занимающих значимые социальные позиции в обществе. Воспитатели, учителя, ранжируя детей, задают траекторию жизни на определенное время, определяя возможности данного ребенка на перспективу. Например, оценка, даваемая учителем ребенку на уроке, влияет на его статус как «хорошиста», «отличника», «троечника» или «двоечника» и так или иначе как определенный жизненный старт отразится хотя бы документально на его дальнейшей судьбе: допустим, в получаемых детьми образовательных сертификатах, в частности, в аттестате о неполном среднем образовании. В то же время оценивание ребенком учителя по сути никак не сказывается на будущем педагога, и в частности, на его зарплате, разряде, портфолио. Взрослых в нашем обществе оценивают взрослые.

2. Психоаналитический. Изучается детство взрослого человека с точки зрения того, что в детстве, какие события, факты повлияли на поведение, поступки зрелой сформировавшейся личности. Изучается индивидуальный прошлый опыт детства, устанавливаются причинно-следственные связи

с настоящим, т.е. зрелость объясняется на основе прошедшего детства. Данный подход не отрицает того, что могут быть вскрыты некие социальные смыслы или символические значения, характерные не только для данной конкретной личности, однако им придается второстепенное значение.

Очень часто корни именно патологий сегодняшней жизни зрелой личности ищутся в ее детстве, но ведь детство — это «самый счастливый период», «золотое время», лишенное проблем и забот, и тогда вряд ли оно может быть базисом каких бы то ни было проблем. Однако, чтобы признать какой-либо из тезисов, необходимо подвергнуть сомнению один из них. Либо истоки наших сегодняшних сложностей не только в детстве, либо детство — это не такое уж и счастливое время, хотя, скорее всего, верно и то и другое.

3. Культурно-психологический. Индивидуальное детство анализируется на уровне онтогенеза, процессуально, в контексте конкретного жизненного пути личности, диахронически, т.е. детство и зрелость здесь принадлежат к разным временным или даже историческим периодам. В рамках данного подхода изучается влияние конкретных исторических и социальных событий на индивидуальное детство, определяется, какой отпечаток на изменение данного индивидуального детства оказывают культурные условия взросления.

С одной стороны, в рамках этого подхода детство рассматривается процессуально: как процесс постепенного перехода к зрелости, но, с другой стороны, детство рассматривается по отношению и даже в оппозиции к зрелости, так как это разные исторические периоды. Другой парадокс состоит в том, что, хотя мы признаем, что детство и зрелость относятся к разным временным периодам, но анализируем их в одном смысловом контексте с точки зрения ценностей именно современной культуры. Давая сегодня оценку тем или иным историческим и социальным событиям, мы указываем их значение для развития именно современной личности, но любая оценка подвержена изменению, и поэтому и значение для личности этих событий тоже изменяется.

Вторая исследовательская перспектива, рассматривающая социальное, «коллективное» детство, представлена следующими подходами.

1. Социально-антропологический или поколенческий: изучается специфика детей как поколенческой группы, их особенности в системе других поколений в определенное время на определенной территории. Этот подход очень часто используют в риторике повседневной жизни, когда говорят обобщенно, например, «наши дети», «современные дети» или «поколение Pepsi», «поколение Next».

С одной стороны, поколенческий подход позволяет выявить роль и значимость детей как поколенческой группы в целом, оценить эволюцию этого поколения, а с другой — он неизбежно ведет к четко очерченным ролям, практикам, характерным для детей. И как тогда можно определить категорию «нормального» детства и как быть с практиками, не вписывающимися в «нормальность» детства: относятся ли к поколению детей, например, девочки и мальчики, ставшие родителями в раннем возрасте, или дети эмигрантов, нелегально работающие на рынке? Подобные практики зачастую могут признаваться или девиантными или просто замалчиваться. Конечно, можно отме-

тять, что такие ситуации в целом не характерны для поколения детей, но вместе с тем можем ли мы сказать, что повседневность детей настолько хорошо изучена, что мы точно знаем, что такое «нормальное» детство сегодня? Вряд ли. Тогда и объединять всех детей в единую поколенческую группу мы тоже вряд ли имеем право.

2. Исторический или эволюционистский: изучается детство в разное время, определяются тенденции в эволюции детства, указывается, чем, например, дети в первобытную эпоху отличаются от детей в наши дни.

С одной стороны, отличия между детьми различных исторических эпох, безусловно, есть. Так, ученые не сомневаются в том, что уровень развития современного ребенка гораздо выше по сравнению с другими эпохами, хотя, как известно, новорожденный современного человека по физиологическому строению ничем не отличается от новорожденного тысячи лет назад [2. С.13]. Но, с другой стороны, есть и сходства. Например, в специфике игрушек, о которых мы практически не говорим, в то время как отличия — это те отличия, которые актуализируются именно с позиции норм и ценностей современной культуры. Более того, выявляя ту или иную историческую тенденцию в эволюции детства, мы абстрагируемся от множества сосуществующих одновременно векторов развития детства, определяя главный из них именно с точки зрения современного развития общества. Но знаем ли мы точно, что считать главным вектором?

3. Философско-культурологический: рассматриваются особенности и миссия детства в различных культурах, разных религиях, выявляется символика детства.

В рамках этого подхода мы можем встретиться, с одной стороны, с мистификацией детства, а с другой — с пренебрежительным отношением к нему. «Взгляд на дитя как на пограничное явление между бытием и небытием» [3], на наш взгляд, и определяет парадоксы детства. С одной стороны, ребенок — только младенец, а с другой стороны, он «старше своих родителей, поскольку ближе их к истокам сущего». Ребенок «или исчадие черных сил, выходец из нижнего мира ..., или божественное дитя, солнечный младенец» [4. С.245-246].

Рассматривая детство в разных культурах, мы допускаем, что можем выявить его специфику в каждой из них. Но вопрос состоит в том, как глубоко мы проникаем в «другую» культуру, и в частности культуру детства, как глубоко мы можем понять смыслы детства в иных культурах? Какова система координат, в рамках которой мы изучаем детство?

4. Социологический: акцент ставится на изучении статуса детства в социальной структуре общества, социально-демографических характеристик детства, социальной политики в интересах детей. Сравнивается социально-экономическое положение детей в различных сообществах.

С одной стороны, говорим, что детство значимо, но с другой стороны, на уровне реальных практик рассматриваем детей и взрослых как классы по отношению друг к другу, об этом, в частности, говорит Е.Болдинг [5]. Причем

приоритет власти явно у взрослых, что и приводит к практикам, утверждающим эйджизм.

Как первый, так и второй подходы имеют свои ограничения. Очевидным недостатком первого подхода является сложность поиска социальных смыслов на уровне анализа индивидуальной биографии. Критика второго подхода может быть в унификации пространства детства, с которой мы неизбежно сталкиваемся, анализируя коллективные смыслы, характерные в целом для пространства детства. На наш взгляд, в некоторой степени преодолеть указанные недостатки самих подходов и решить те исследовательские задачи, которые ставит перед собой ученый, позволит только комбинация этих подходов. Тем более, что для всестороннего осмысления того или иного феномена необходимо придерживаться междисциплинарного подхода, в рамках которого исследовательские перспективы могут в чем-то дополнять друг друга, в чем-то пересекаться, а где-то и противоречить, актуализируя полярные представления о детстве.

Далее хотелось бы заострить внимание, прежде всего, на полярных конструктах, существующих в пространстве детства, причем эти конструкты можно выделить не только внутри одной исследовательской перспективы, но и между ними.

Рассмотрим лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее актуальные противоречия, существующие на уровне «коллективного» детства. Парадоксы пространства детства на социальном уровне связаны в первую очередь с конструктами тех агентов, которые определяют и задают основные параметры детства. Прежде всего, этими агентами сегодня являются общество в лице государства и семья в лице родителей. И государство, и родители конституируют амбивалентное отношение к пространству детства. Так, с одной стороны, родители относятся к детям как к самому драгоценному, как к самому дорогому, что есть у них на свете. Общество рассматривает детство с точки зрения наиболее ценного капиталовложения, от которого зависит будущее состояние этого общества. С другой стороны, дети для родителей — это непосильная ноша, они требуют серьезных затрат различного плана, в т.ч. моральных, материальных. Для общества же дети — это еще одни претенденты на его ресурсы, это иждивенцы, содержание которых обходится государственной казне достаточно дорого. Такое амбивалентное отношение общества и родителей к детству на уровне конструктов и находит отражение в реальных практиках, в реальном поведении как самих детей, так и взрослых.

О роли агентов, принимающих участие в конструировании пространства детства, говорит и то, что многие события, важные для семьи и государства, рассматриваются лишь с точки зрения их значения только для взрослых, а не детей. Например, уровень безработицы, смертности, рождаемости, специфика бракоразводных процессов — считается, что все эти процессы влияют только на взрослое сообщество. Так, статистические данные ставят в центр внимания взрослого человека, когда указывается, например, каков процент семей, в которых проживают один, два, три и более детей [6], или каков процент родителей — безработных, инвалидов и сколько на иждивении у них детей

и т.д. Но при этом не указывается, сколько детей живут в семьях, где отец или мать, безработные или инвалиды.

Крайняя позиция в анализе поведения взрослых в отношении детей состоит в том, что общество движется в направлении «уничтожения детства» [7. С.11]. Прогресс общества в различных сферах, который мы сегодня наблюдаем в развитых странах, улучшение материального благосостояния современного общества приводят не к увеличению рождаемости, а к ее снижению, что и констатируют сегодня ученые [8. С.46-47]. Поэтому исследователи пространства детства и делают вывод о том, что общество стало жить лучше «ценой мора детей» [7. С.11]. Вместе с тем опять же за счет того, что детей становится меньше, внимание к пространству детства со стороны взрослых возрастает и изменяется содержательно, что, казалось бы, должно привести в принципе к искоренению негативных сторон жизни детей. Однако этого не происходит, более того, возникают и распространяются новые проблемы, которые ранее не были характерны для пространства детства. Так, например, сегодня все более актуальной становится проблема детской бедности, в полной мере заявившая о себе лишь в 90-е годы. Этот факт опять же подчеркивает значимость структурных условий взросления, оказывающих влияние на все возрастные группы, хотя влияние это различное и разной степени. Но при этом необходимо иметь в виду, что пространство детства оказывается под серьезным прессингом, так как дети объективно зависимы от взрослых и соответственно противостоять любым изменениям, которые насаждаются «сверху», им объективно гораздо сложнее, чем взрослым.

Отчетливо прослеживаются парадоксы пространства детства в законодательстве. В ст. 64 Семейного кодекса РФ указано, что родители наделяются правом представлять своих детей [9]. По сути это означает, что права родителей в отношении детей важнее прав детей в отношении родителей. Хотя так прямо в законе это и не указано. Этот вывод также подтверждается прописанным в законе некоторых стран, в частности законе Швейцарии, тезисом о том, что дети обязаны уважать своих родителей, а не наоборот. Таким образом, с одной стороны, в нашем законодательстве, а именно в Конвенции ООН о правах ребенка [10], ратифицированной в РФ, признается, что ребенок как личность обладает всеми свободами и правами, и гарантом этих прав и свобод выступает сама конвенция. С другой стороны, в этом же законодательстве, но теперь уже в Семейном кодексе РФ, утверждается, что значительная часть прав детей передана их родителям. И здесь возникает ряд спорных вопросов. Например, где провести грань, которая отделяет собственно сам голос ребенка от голоса родителей от его имени? Насколько вообще взрослые защищают детей от общества, а не исключают из него? И надо ли и зачем защищать детей от самого общества, нас же самих? По-моему, здесь гораздо больше вопросов, и это лишь некоторые из них. Наиболее интересен вопрос о том, в связи с чем в науке возникают все эти сомнения в отношении самостоятельности и независимости голоса самих детей?

Дж. Квортруп считает, что любые научные проекты в пространстве детства — это всего лишь отражение того, что происходит в повседневной жизни

[11. С.8]. Тогда, следуя ее логике, можно сказать, что и парадоксы детства — это и есть отражение реальности, причем реальности, которая заявляет о себе как некая социальная проблема. Так, например всплеск молодежных исследований на Западе приходится на то время, когда прошла волна молодежных революций. Именно тогда наука осознает и предлагает различные объяснения мятежа молодых. Таким образом, когда появляется социальная проблема в реальности, тогда создаются некие ее объяснения в науке. Исследователь детства соотносит парадоксы исследуемого феномена, прежде всего, с противоречиями между индивидуальным и социальным уровнями. Говоря современным социологическим языком, можно отметить, что это противоречия между конструктами и практиками пространства детства. Дж.Квортруп выделяет 9 парадоксов в современном пространстве детства [11. С.9].

1. Взрослые хотят и любят детей, но общество создает такие условия для взрослых, что детей у них становится все меньше, и все меньше времени и внимания уделяется детям.

2. Взрослые верят, что это хорошо для детей и родителей быть вместе, все больше и больше времени они живут в своей повседневной жизни отдельно друг от друга.

3. Взрослые ценят спонтанность детей, но детская жизнь становится все более организованной.

4. Взрослые утверждают, что детям отдается приоритет, но основные экономические и политические решения принимаются без учета позиции детей.

5. Большинство взрослых верят, что это хорошо для детей, что родители берут на себя основную ответственность за детей, но структурно условия для выполнения этой роли родителями систематически размываются.

6. Взрослые соглашаются с тем, что детям должен быть дан лучший старт в жизни, но дети принадлежат к наименее влиятельной части общества.

7. Взрослые соглашаются с тем, что дети должны быть воспитаны в терминах демократии и свободы, но общественное положение, социальный статус в обществе достигаются главным образом за счет контроля, дисциплины и управления.

8. Школы рассматриваются взрослыми как важные для общества, но вклад детей в производство знаний не признается как значимый для общества.

9. В материальных терминах детство важно, скорее, для общества, нежели для родителей, тем не менее общество перекладывает основной объем затрат на родителей и детей.

Указанные парадоксы — это противоречия между тем, что мы желаем для детей, и тем, в каких условиях мы живем, это противоречия, вытекающие из классической социологии: макро- и микроуровнями, личным и общественным уровнями. Безусловно, в рассматриваемых парадоксах есть рациональное зерно, и, на наш взгляд, оно состоит в том, что они убедительно доказывают следующий тезис: детство мыслится и воспринимается взрослым сообществом скорее эмоционально, нежели рационально. Но вместе с тем любые парадоксы нуждаются в критике, так как все, о чем здесь сказано, касается далеко не всех детей: все дети очень разные, и условия их взросления тоже

очень разные. В силу этого, каждый из парадоксов может быть развенчан или, используя термин Ж.Деррида, деконструирован.

Так, например, еще одним мифом пространства детства является то, что удел детей — это учеба и игра, дети — это бесполезная рабочая сила, так как сами они ничего не производят. Однако это далеко не так, попытаемся деконструировать обозначенный выше тезис. Вовлечение детей в общество состоит в том, что государство заставляет детей выполнять необходимую ему в общественном и экономическом плане деятельность. Так, в аграрную эпоху обществу было необходимо выполнение малоквалифицированной работы, поэтому дети и составляли костяк рабочей силы той эпохи. Сегодня на первый план выходит развитие наукоемких технологий, Промышленная революция заставила поменять детей «рабочее место»: школы детям заменили поля и фабрики. Дети, как и взрослые, никогда не прекращали общественно полезную деятельность. Эта деятельность в принципе, как и у взрослых, была изменена содержательно. В связи с этим вряд ли можно оценить эволюцию деятельности детей в направлении от полезной к бесполезной, как это может показаться на первый взгляд. Изменяется лишь содержание вовлечения детей в общество, но это вовлечение, эта общественная деятельность детей остается.

Подобную процедуру деконструирования в той или иной степени можно попытаться провести и с другими мифами и парадоксами детства, но вместе с тем отказываться от них, на наш взгляд, не представляется целесообразным.

Рассмотренные парадоксы детства свидетельствуют о том, что реальность детства противоречит публичной риторике, в рамках которой утверждается, что «все лучшее — детям», «общество должно действовать, прежде всего, в интересах детей», «дети — это наше будущее». Это именно публичная риторика, так как сложно себе представить общество, которое в первую очередь удовлетворяет потребности детей, а затем потребности взрослых. Такого общества не может существовать в принципе, так как взрослый человек даже физически вряд ли сможет воспроизвести себе подобного, если не будут удовлетворены его основные физиологические потребности. Таким образом, общества, в котором на первый план ставится удовлетворение потребностей детей, а затем потребностей взрослых, его не существует, говоря языком Э.Дюркгейма, это общество аномии, или, используя терминологию Т.Мора, общество утопии. Поэтому, возможно, хотя бы честнее будет признать, что это всего лишь риторика, которая имеет очень опосредованное отношение к повседневной жизни. И в реальности при построении конкретных мероприятий в пространстве детства исходить не только из желаемого, но и учитывать конкретные условия взросления детей. И тогда, возможно, вспоминать о детстве общество будет не только тогда, когда ему самому грозит опасность, а в современном обществе это, прежде всего, опасность его просто физического исчезновения, но и в обычной повседневной жизни, создавая условия для наиболее оптимального развития детей.

Библиографический список

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности/ П.Бергер, Т.Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 333с.
2. Обухова, Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы/ Л.Ф.Обухова. — М.: Тривола, 1995. — 360с.
3. Кислов, А.Г. Социокультурные смыслы детства/ А.Г.Кислов. — Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 1998. — 152с.
4. Дубин, Б.В. Между всем и ничем/ Б.В.Дубин// Отцы и дети: поколенческий анализ современной России/ сост. Ю.Левада, Т.Шанин. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 61-79.
5. Boulding, E. Children's Rights and the Wheel of Life/ E. Boulding. — New Jersey: Transaction Books, 1979.
6. Женщины и дети Самарской области: стат. сб. — Самара: Самарастат, 2001.
7. Qvortrup, J. Childhood as a social phenomenon/ J.Qvortrup. — Budapest; Viena: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991. — 39p.
8. Молевич, Е.Ф. Общая социология: курс лекций/ Е.Ф.Молевич. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 328с.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.95 г. №223-ФЗ (ред. от 02.01.2000 г.). www.akdi.ru/PRAVO/kodeks/sem.htm
10. Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989. www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm
11. Qvortrup, J. Childhood in Europe: a New Field of Social Research/ J.Qvortrup // Growing up in Europe: contemporary horizons in childhood and youth studies/ ed. By Lynne Chisholm. — Berlin; New York: de Gruyter, 1995. — P.7-19.

Статья принята в печать в окончательном варианте 13.12.2006 г.

S.Yu. Mitrofanova

PARADOXES OF CHILDHOOD SPACE

The article is devoted to the main paradoxes and research perspectives in the studying of childhood phenomenon. The author considers the research perspectives, which are divided into the perspectives of studying individual and collective childhood, also the author considers the possible trends of analysis and the paradoxes within. This paper contents the most actual paradoxes of modern childhood, and the example of deconstruction of one of them.